– 28 июня

Руфанова

. 2000.

На очередной церемонии вручения главных кинопризов года «Золотой овен» отечественные критики единодушно признали петербурженку Елену Руфанову лучшей актрисой 1999 года. Этой чести она удостоена за дебютную роль (Евы Браун) в фильме культового режиссера Александра Сокурова «Молох». Есть в Руфановой что-то мистически притягательное. Она совсем не похожа на своих коллег-актрис. Да и вообще не похожа на женщину конца XX века. Она – женщина вечная. Загадочная, обворожительная, мудрая. Или, как сказал Горький о своей любимой героине Вассе Железновой, человеческая женщина.

ИТАР-ТАСС

Елена РУФАНОВА: НА ПЛОЩАДКЕ МЕНЯ КОЛОТИЛО ОТ СТРАХА...

Алена РОМАНОВА

– Лена, вы удивились, когда вас пригласил Сокуров?

– Никогда не думала, что могу быть ему интересна. И вдруг мне звонит его ассистент: «Александр Николаевич приглашает поговорить». Я удивилась: «Что вы, я такая несокуровская!» Мне кажется, в его актерах непременно присутствует тайна, странность, отрешенность от мирской жизни, что-то богемное, утонченно-эстетское. А я – обыкновенная.

– А вас не шокировала роль женщины главного злодея XX века?

– Еще как! Невероятно давили стереотипы. Но мне предлагали сыграть Женщину. Здесь нет ни одного эпизода, где бы герои вели деловые разговоры. Если честно, Ева вызывает у меня сочувствие. Главное, что я определила для себя в начале работы: это история, где главные действующие лица – мужчина Адольф и женщина Ева. А не Гитлер и Ева Браун.

– По-вашему, Ева любила своего Адольфа?

– Да.

– А он ее?

– По-моему, Адольф не способен на такое чувство. Он ее оценивает, но не может любить. Вся история отношений Евы Браун и Адольфа Гитлера сложна и запутанна. Они познакомились в начале политической карьеры Гитлера. Он красиво, романтически ухаживал за Евой. Приезжал с цветами, дарил подарки, долгое время у них не было никаких интимных отношений. Гитлер всегда подчеркивал, что у такого лидера, как он, не может быть жены, семьи, что он принадлежит народу. Мы часто не задумываемся, глядя на политиков, об их женщинах, женах. Мы часто критически оцениваем их внешнее поведение, манеру одеваться, но не представляем, какие драмы за этим стоят. Не надо забывать, что за внешней беззаботностью Евы – две попытки самоубийства. Попробуйте представить, что вас 24 часа в сутки подслушивают, следят за каждым движением, анализируют каждое слово. Она не знает, кому можно доверять, кому – нет. Ева – женщина, которая двумя ногами стоит на земле, милая, простая, живет сегодняшним днем. Она знает, что такое жизнь, страсть, хочет рожать детей, иметь нормальную семью и знает, что, если завтра за Адольфа нужно будет отдать руку, она сделает это. Она женщина, которая может пожертвовать собой ради любимого человека. Когда мама посмотрела фильм, расплакалась: «Как же она живет среди этих камней».

– Говорят, Сокуров очень требовательный режиссер?

– Не могу сказать, что с ним было трудно. Скорее я боялась его разочаровать. Он очень серьезно работает не только с актером, но и с изображением. Мы переснимали иногда один кадр много раз. Александр Николаевич очень заботливый – постоянно меня опекал. Мне очень важно знать, что я в теплых руках. Тогда я готова делать все. Он ни разу не крикнул, всегда приходил на площадку готовым, у нас не было специальных репетиций. Лишь однажды Александр Николаевич во время просмотра хроники заметил: «Вот этот кадр очень важный». Речь шла об эпизоде, когда Гитлер любуется пейзажем, а Ева стоит метрах в пяти от него, молчит и ждет команды охраны, чтобы ей было позволено подойти. Хотя в других эпизодах она веселая, общительная, кокетливая: Ева на пикнике, с папой и мамой, с двумя собачками, купается, лезет на надувной матрас попой кверху, хохочет...

– Что было самым трудным?

– Финальный монолог Евы. Мало было выучить две машинописные страницы текста на немецком, надо было прожить это в кадре. Если всю картину Ева существует плавно, сдерживая свои эмоции, то к финалу она все более и более раздражена: пристает к Борману, начинает провоцировать Адольфа и с нескрываемым раздражением говорит: «Я же тебя просила, чтобы ты написал моим родителям! Неужели так трудно написать два слова?! Ты просто не помнишь, как их зовут, и тебе стыдно. Ты же не можешь сказать: мама, папа. Для тебя это банально. Ты стал жестоким...» Когда я читала сценарий, понимала, что здесь нужен эмоциональный прорыв, и переживала: возьму ли градус, который нужен? На площадке меня колотило от страха.

– Что вы играете в театре?

– Репертуар забавный. Говорю: приходите утром – посмотрите «Кота в сапогах», где я играю Кота. А вечером – у меня роль Стеллы в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание». Люблю характерные, гротесковые образы.

– А авангард вам нравится?

– Я этого не понимаю: есть вещи вечные, нравственные. Есть безнравственные. А есть никакие. Надуть десять презервативов, повесить их на картон, облить себя молоком, завести волчок, а потом красным написать «Мир, дружба, жвачка». И это – искусство?

– Вы всегда были уверены, что придет ваше время?

– В Каннах я сказала Сереже Шолохову, что боюсь счастья, боюсь радоваться. Жизнь полосатая. Не успела вернуться с фестиваля, как начались неприятности, успела уже поплакать... Потом пригласили на «Кинотавр», дали «Золотого овена» – опять радость. Но работа сделана. Она не станет ни лучше, ни хуже. Иногда я думаю, что все внимание ко мне преувеличено. Я-то тут при чем? Это режиссер создал свою Еву. Мне было нетрудно, я работала с удовольствием.

– Муж вас понимает?

– Где вы найдете мужа, который ходил бы по магазинам и подбирал театральные сумочки под вечерние платья жены для премьеры фильма?! У него классное чувство юмора. И он очень ревнив. После всех фестивальных торжеств сказал мне однажды: «Ну все, Лена, побаловалась – и хватит». Мне кажется иногда, что я должна еще дорасти до него.

– Вы теперь звезда. Спокойствия не прибавилось?

– Ну что вы! Вот сейчас в зал пришли люди, которые обо мне, может быть, много слышали хорошего: новая звезда появилась в Петербурге! Я обязана им что-то предъявить. Как тут успокоишься?